

Михаил Венюков

Праздник науки

Михаил Венюков

Праздник науки

«Public Domain»

1895

Венюков М. И.

Праздник науки / М. И. Венюков — «Public Domain», 1895

«Из всех правительственных мероприятий знаменитого Кольбера два остались особенно долговечными: введение пенсий за долговременную, хотя бы бесполезную для страны, службу чиновникам при отставке, и основание академии наук в Париже. Пенсии, как известно, были введены под предлогом обеспечения заботливым начальством старости его слуг, в сущности же для уменьшения окладов людям действительно трудившимся, но молодым, позволявшим себе «сметь свое суждение иметь» и отныне обреченным жить надеждами на милость властей в возрасте бессилия, для чего уже не было иного средства, как слепое повиновение...»

© Венюков М. И., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Венюков

Праздник науки

(Столетие Французского Института)

I

Из всех правительственных мероприятий знаменитого Кольбера два остались особенно долговечными: введение пенсий за долговременную, хотя бы бесполезную для страны, службу чиновникам при отставке, и основание академии наук в Париже. Пенсии, как известно, были введены под предлогом обеспечения заботливым начальством старости его слуг, в сущности же для уменьшения окладов людям действительно трудившимся, но молодым, позволявшим себе «сметь свое суждение иметь» и отныне обреченным жить надеждами на милость властей в возрасте бессилия, для чего уже не было иного средства, как слепое повиновение. Кольбер тут завершил дело кардинала Ришелье, старавшегося убить гонимое, самостоятельное дворянство, и министерская его штука удалась как нельзя более. Пенсии за долговременную службу были введены в большинстве бюрократически-управляемых государств, и в Европе исключение составила, кажется, одна республиканская Швейцария, где пенсии даются лишь по отдельным приговорам народного представительства за потерю здоровья на службе, официально признанной общепользу. Что касается академии наук, тоже донныне существующей в Париже, то Кольбер был в вопросе о ней почти лишь подражателем, ибо еще в 1635 году Ришелье создал академию французскую (литературную), а в 1648 году Мазарини – академию изящных искусств (живописи и ваяния). В 1663 году сформировалась академия надписей и медалей (археологическая) и только в 1666 году академия наук, четырьмя годами позднее Королевского общества наук в Лондоне. Должно при этом отдать справедливость Кольберу: он новым академиком покровительствовал. Они собирались в королевской библиотеке, которая была ни чем иным, как пристройкой к большому дворцу Кольбера. Потом им дано было помещение в королевском дворце, в Лувре. Конец XVII и все почти XVIII столетие четыре названные академии продолжали существовать под покровительством королей и министров и, разумеется, при субсидиях казны; ибо это было лучшее средство заставить их покрывать хвалами «научного беспристрастия» согревавшее их солнце. А чтобы они не зазнались, выбор ими действительных, т. е. оплачиваемых и имевших голос, членов требовал утверждения короля, притом обыкновенно из *двух* выбранных академиею кандидатов *одного*, кого заблагоразсудится. Для придания академиям придворного блеска, в составе их всегда находилось не мало герцогов, маркизов и президентов, в науке смысливших мало, но за то сильных при дворе и в сфере интриг. Вероятно поэтому величайший писатель эпохи, Вольтер, был «удостоен» звания члена во Французской академии лишь 53-х лет отроду. В неперемные секретари выбирались обыкновенно – точнее, назначались сверху, – люди покладистые, приятные начальству, и несмотря на то, что место это требует большой, непрестанной деятельности, сохраняли его до возраста ста лет, как Фонтенель, который за то и был осмеян в одном памфлете Вольтером, хотя и был из лучших представителей своего типа. «Когда вспыхнула революция, говорит официальный историк института, Леон Окок, академии были сильно атакованы общественным мнением, которое видало в них смешение так называемых аристократов ума со знатью политической и придворною». 8 августа 1793 г. конвент, не любивший шутить с реакционерами и даже просто консерваторами, издал поэтому следующий декрет:

«Статья первая. – Все академии и литературные общества, имеющие королевские патенты или подучающие денежные пособия от казны, – уничтожаются.

Статья вторая. – Ботанические сады, кабинеты, музеи, библиотеки и другие предметы, относящиеся до наук и искусств и принадлежащие упраздняемым академиям и обществам, поставляются в зависимость от властей, пока не выйдут позднейшие декреты о народном образовании».

Коротко и ясно. – А 12 августа новый декрет предписывает министру внутренних дел опечатать здания, в которых помещались закрытые учреждения...

Но конвент немедленно спохватился, что меры его слишком резки. Поэтому 15-го того же августа 1793 г. он разрешил членам академии наук (только её одной) собираться в обыкновенном месте их заседаний, чтобы обсуждать предметы, которые им будут дозволены или поручены конвентом. И печати с реестров академии приказано снять. Зато 24 июля 1794 г. все секвестрованные академические имущества по-просту конфискованы.

В наше время нельзя без смеха читать подобные законы, хотя печальные вариации их были не редкостью и в XIX веке. Говорю – без смеха, а не – без негодования или стыда, потому что на деле конвент имел в виду издание органических постановлений по народному образованию, основанных на началах самой широкой свободы. В конституции французской республики от 22 августа 1795 г. мы находим § 298, который гласит: «Имеется для всей республики национальный институт, обязанный собирать открытиями усовершенствования в науках и искусствах». А 25 октября того же года издан следующий закон:

«1. Национальный институт наук и искусств, один на целую Францию, учреждается в Париже. Он назначен: 1) для усовершенствования наук и искусств непрерывными изысканиями, обнаружением открытий, перепиской с иноземными учеными и их обществами;

2) для наблюдения, согласно предписаниям правительства, за учеными и литературными работами, которые имеют целью общее благо и славу республики.

2. Он состоит из 144 членов, живущих в Париже, и из стольких же, обитающих в разных частях республики; он принимает в сочлены ученых иностранных, числом до 24, по восьми на каждый из трех отделов.

3. Он разделяется на три класса и несколько отделений по следующей росписи: 1-й класс, науки математические и естественные, 10 отделений, в каждом по 6 членов парижских и по 6 иногородних, всего $60+60=120$ членов; 2-й класс, науки нравственные и политические, 6 отделений по 6 членов парижских и по 6 иногородних, всего $36+36=72$ членов; 3-й класс, литература и изящные искусства, 8 отделений по 6 членов парижских и по 6 иногородних, всего $48+48=96$ членов.

4. Каждый класс института имеет свое помещение, где он собирается отдельно. Ни один член не может принадлежать к двум классам; но он может присутствовать и сотрудничать на заседаниях другого класса.

5. Каждый класс института будет обнаруживать ежегодные отчеты о своих работах и открытиях.

6. Национальный институт будет иметь четыре публичные заседания в год: тогда все три класса будут соединяться вместе. Он будет ежегодно отдавать законодательному корпусу отчет об успехах наук и о трудах каждого класса.

7. Ежегодно, в назначенное время, институт будет обнаруживать программы на премии, которые каждый класс должен раздавать.

8. Законодательный корпус ежегодно будет назначать, по представлению правительства, сумму на содержание и работы Института наук и искусств.

9. Для формирования Национального института правительство (директория) назначит 48 человек, которые выберут остальных 96 городских, а потом все вместе иногородных.

10. После полного формирования, замещение открывающихся вакансий делается институтом через выбор трех кандидатов, список которых каждым классом, представляется правительству. То же по отношению к сочленам иногородным и иностранным.

11. Каждый класс института будет иметь в своем помещении коллекции произведений природы и искусств, а также библиотеку, относящуюся до предмета его занятий.

12. Уставы о порядке заседания и о трудах института будут сочинены самим Институтом и представлены законодательному корпусу, который их рассмотрит по общепринятому порядку, как всякий вновь предлагаемый закон».

Вот этому-то знаменитому акту, организовавшему в первоначальном виде Французский Национальный институт, исполнилось 25 октября 1895 г. сто лет. Кто вчитается в него со вниманием, тот легко увидит, что дело было задумано очень умно. Еще большею симпатиею к новорожденному в 1795 г. учреждению исполнился бы читатель, еслибы привести имена всех его членов; но это было бы слишком долго. Довольно заметить, что наиболее громкие деятели той эпохи нашли себе место в институте. Недоставало только трех, из самых знаменитых: философа Кондорсе, химика Лавуазье и поэта А. Шенье: они погибли на эшафоте!

Первое время после организации института члены его и само устроившее его правительство занимались материальною обстановкою нового учреждения. Так для заведывания хозяйством и суммами каждого класса были выбираемы ежегодно этим классом два члена – обычай, сохранившийся и ныне, когда классы называются академиями. Всему институту и отдельным классам были указаны места для заседаний и устроена библиотека с тремя библиотекарями. Труды института назначено издавать по классам, но под общим названием мемуаров института, на казенный счет. Институту предоставлено назначать ежегодно шесть премий за особо выдающиеся ученые труды, на что деньги выдавались казною. Наконец, 17 июля 1796 г. состоялось постановление законодательной власти о назначении каждому члену института содержания в 1500 франков (375 р. м.), при чем любопытно, что закон положено не обнародовать, должно быть, чтоб не стыдить членов учреждения. Общий итог этого личного содержания внесен в бюджет и подлежал отпуску из казны; но распределение предоставлено самому институту отчасти для того, чтобы он мог отличать членов усердных от ленивых.

Заботилось республиканское правительство конца прошлого века во Франции и о коллективном обогащении института предметами для него интересными. Так 17 марта 1797 директория предписала полиции отобрать у города Парижа его библиотеку, потому что она называлась *коммунальною* и была сформирована при господстве городской думы, называвшейся *коммуною* – да и отдать ее в институт. Город Париж не забыл, однако, своих прав на это имущество и в 1885 году требовал его назад; но получил, уже от министра просвещения, а не полиции, отказ, конечно потому, что вещь стала казенною и при том довольно давно.

Подобную-же меру предписали пресловутый Совет Пятисот и Совет Старейшин по отношению к книгам, хранившимся в литературных депо. А исполнительная директория через 40 дней донесла, что решение исполнено, при чем дубликаты книг розданы в провинциальные библиотеки.

Девятнадцатое столетие встретило Французский Национальный институт несколько на ином поприще, притом совсем не научном. Именно, 13 марта 1801 г. консулы (в числе их первый, Бонапарт) постановили, что «отныне: 1) члены института будут иметь мундир и виц-мундир; 2) костюмы эти будут сшиты так: *мундир* фрачного покроя, с жилетом и черными панталонами; на нем шитье темнозеленым шелком – оливковые ветви; треугольная шляпа, виц-мундир – того-же цвета и покроя, но без шитья, а лишь с кантами по борту и обшлагам. 3) Министр внутренних дел озаботится исполнением, этого постановления, которое будет напечатано в *Вестнике Законов*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.